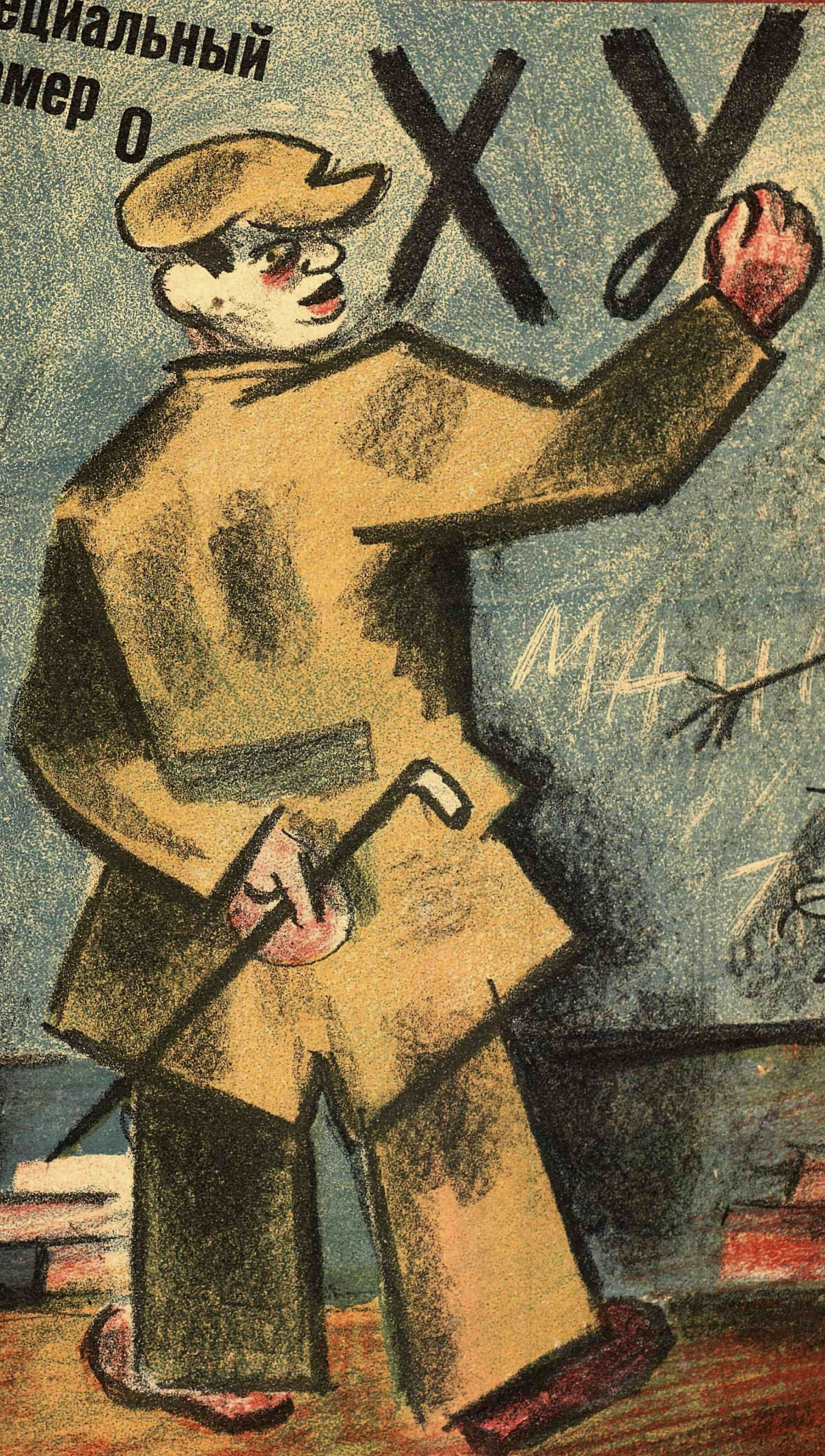

КРОКОДИЛ

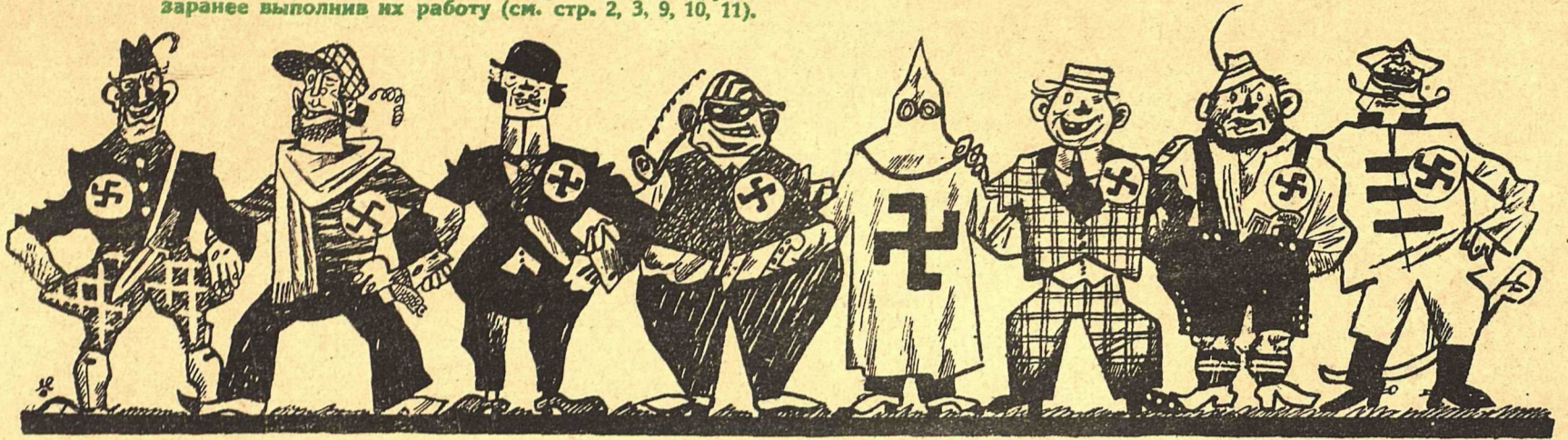
Специальный
номер 0

ЛИГАНСТВЕ

Душак

ОТ РЕДАКЦИИ.
 Будучи уверены что хулиганы, по своему обыкновению, измажут своими надписями страницы журнала, мы освобождаем их на сей раз от этого труда, заранее выполнив их работу (см. стр. 2, 3, 9, 10, 11).

ХУЛИГАН.

Не разберешь его — трезв или пьян,—
 Наглым вращая оком,
 Гордо шагает он — хулиган,
 Вдоль по расейским дорогам.

То свирепея, то веселясь,
 Потный, тупой и похабный.
 Хлоп — в лоб, хрясь — в грязь! —
 Зуд свой зудит неослабный.

— Эй, хулиган! Куда ты идешь?
 Какое несешь ты знамя?

— Какое там знамя, ядрена вошь?
 Катитесь горошком к маме!

На грудь хулигана рука ловкача
 Любые повесит знаки.
 В котле революции он сейчас
 Остался, как грязная накипь.

Надо так, чтобы накипь ушла
 В бурном кипении жизни.
 А ту, что останется, — вон из котла!
 Не то весь котел закиснет.

Вас. Лебедев-Кумач.

ХУЛИГАНСТВО ПО-ЕВРОПЕЙСКИ.

(Опыт исследования).

Автор этого исследования ставит перед собою, кроме чисто-научных, также и педагогические цели. Он отнюдь не рассчитывает, однако, обогатить какими-либо новыми познаниями по хулиганской части господ европейских правителей и дипломатов: ученого учить — только портить. Задача его — много скромнее. Помимо гонорара, автору хочется лишь одного: чтобы представители нашего, отечественного хулиганства, ознакомившись с заграничными достижениями в этой области, познали тщетность своих усилий, ничтожность своих достижений и перестали задаваться.

Родиной хулиганства справедливо считается Англия. Как в самой Англии, так и в других буржуазных государствах этот вид искусства подразделяется в настоящее время на две разновидности: 1) хулиганство внешнее или дипломатическое и 2) хулиганство для внутреннего употребления. Которой из двух разновидностей нужно отдать предпочтение, неизвестно, ибо знатоки, любители, покровители и специалисты еще не выработали вполне определенного мнения по этому вопросу.

Одним из самых выдающихся представителей внешнего хулиганства считался в свое время покойный лорд Керзон-оф-Кедльстон (он же и маркиз). Этот знаменитый дип-оголец еще при жизни прославился тем, что время от времени вдруг, ни с того, ни с сего, издавал во всеулышание совершенно непристойные ноты, от которых краснели не только все граждане СССР, но и английские профсоюзы.

Хулиганские выходки вышеназванного веселого парня остались никем не превзойденными и после его смерти. Не так давно с дипломатической непристойностью, заставляющей краснеть даже желтых социалистов, выступил один австрийский министр, но уж это был Маттай и ценок!.. Его немножко посекали, потом слегка посекал себя он сам, — тем все дело и кончилось.

Несколько времени тому назад в большом ходу по Европе был следующий хулиганский прием: буржуазные правительства оборачивались лицом к СССР, умильно улыбались, принимали наивный вид — и требовали от революции возврата тех самых денег, которые занимал у них царь для подавления этой самой революции.

Подобное хулиганство в первый раз было встречено советскими республиками с возмущением и негодованием. Затем — с удивлением. Затем — с усмешкой. Затем — с насмешкой. Наконец, его совсем не стали ни встречать, ни провожать, после чего оно померло естественной смертью.

— От равнодушия публики.

Случаи европейского хулиганства для внутреннего употребления весьма многочисленны, но однообразны, и едва ли есть смысл их перечислять. Отметим поэтому лишь основные типы внутреннего хулиганства.

Тип буржуазно-демократический. Буржуазия нанимает министра демократа или социалиста. Министр приятно улыбается рабочим, обещает им обложение капитала или национализацию копейки, — а затем внезапно (для дураков) показывает шин без масла. Буржуазия сулит за это министру свое благоволение, навеки нерушимое, а затем внезапно (для министра) пинает его коленкой под эноу моста.

Хулиганов тут двое: министр-социалист и буржуазия. Но, по словам некоторых бывших министров-социалистов, хулиганит тот, кто хулиганит последний.

Тип собственно-хулиганства. До сих пор мы имели в виду, главным образом, хулиганство в переносном смысле слова. Что же касается настоящего хулиганства, собственно хулиганства, то...

Тут необходимо маленькое, но строго-научное отступление.

В Англии (родина хулиганства), в семнадцатом веке, проживало благочестивое семейство Хулиган. На своем недолгом веку оно совершило целый ряд бессмысленных и бесцельных убийств, чем и прославилось. А век его был сокращен тем обстоятельством, что всему семейству Хулиган пришлось скоропостижно и не по своей инициативе повиснуть меж двумя столбами с перекладиной.

Теперь можно и продолжать.

Собственно-хулиганством (бесцельные и бессмысленные убийства) славятся в настоящее время почти все буржуазные правительства. Особой международной известностью пользуются: шанхайские хулиганства английского и болгарские хулиганства болгарского правительств. Но и польское, и румынское, и другие правительства тоже отнюдь не брезгают собственно-хулиганством (бесцельные... и т. д.).

Первая часть старой английской истории, таким образом, повторяется полностью. Вторая (перекладина и т. п.) пока еще заставляет себя ждать.

А когда и она повторится, тогда исследование о хулиганстве по-европейски будет лишено всякого значения, кроме исторического... Так что, может быть, не стоило его и писать.

Грамен.

МЫСЛИ КСТАТИ.

Не осуждай огулом заборную литературу. Как обойдешься ты без заборной книжки из мелочной лавки?

Сколько бы ты ни писал на стенах — остерегайся ставить против графы в анкете „профессия“ — стенографист.

И еще скажу: не все написанное на стене — есть стенгазета.

Человека, упавшего с четвертого этажа и сбившего тебе шляпу — хулиганом не называй.

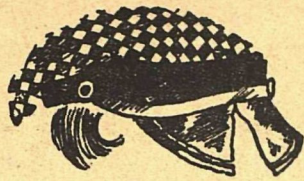
В трамвае и честный отец семейства может заслужить обидную кличку — хулиган.

С высокого места трудно не плюнуть.

Не будь хулиганом, как узнал бы ты воспитанного и порядочного человека?

Если вступишь в спор с хулиганом — как отличить: где хулиган?..

ОХАЛЬНИК.

(Сказочка).

Был такой—Охальник. Боялись его, проклинали, удивлялись ему, презирали, завидовали. А Охальник ходил и охальничал.

Идет девица, цветов набрала, солнцу улыбается — Охальник ей подол заворотит:
— Глядите, добрые люди!

Пройдет старикан — семь пядей во лбу — всяк перед ним сторонится. Охальник шапку с него сдернет, по маковке ладошкой пошлепает:
— Звенит! Пусто, брат, умирать пора!

Мальченка маленький в прятки играет. Охальник его за уши поднимет, по заднему месту шлепнет и спросит:
— Водки хочешь? Скажи матери—плохо она тебя сделала!

Никого не пропускал Охальник: поп идет—он ему на крест плюнет, пионер бежит—он ему в платочек красный сморкнется.

И такая у него была любимая песня:

— Эх, свою я милую
Из могилы вырою,
Вырою, обмою,
Ночь просплю—зарюю.

Пробовали Охальника усовещивать, уговаривать — ничего не выходило. Одному уговорщику—полбороды начисто снес, другому советчику из пиджака жилетку сделал.

Пробовали Охальника в тюрьму сажать — опять без толку. Отдохнет, отсидится, подправится, новым штукам выучится — выйдет, и давай пуще прежнего выкомаривать.

Пошла в народе великая злоба на Охальника. И решили его злой смерти предать:

— Паршивую овцу из стада вон! Выполоть крапивное семя! Только вышел тут один человек Имярек и говорит:

— Постойте. Дайте мне одно средство попробовать. Если вы Охальника лютой смерти предадите — еще, чего доброго, героем его назовут, мучеником. Я лучше придумал.

Согласился народ обождать. Пошел человек к Охальнику и говорит:

— А я лучше тебя бегаю! Попробуй-ка догони!

И побежал. Охальник—за ним. Бежал, бежал—язык высунул, а догнать не может. Сел—и давай выше колокольни матом завинчивать. Полчаса завинчивал, всю глотку надорвал. А потом сплюнул, ногой топнул и говорит:

— Хорошо же. Я тебя достигну. А как достигну—до заду расшибу—а там сам развалишься!

И начал Охальник каждый день бегать учиться: встает рано, ложится рано. Неделю целую никого не задевал. А когда прошла неделя—побежал Охальник с Имяреком, нагнал его и кулак занес.

— Погоди,—говорит Имярек. Нос мой с лица не убежит, разбить всегда успеешь, а ты вот прыгни, как я!

Вскоре после того пришли приятели к Охальнику звать его по пьяному делу—а он сидит, носом в книгу уткнулся и пальцами уши зажал.

Попробовал один приятель вытащить из уха палец—а Охальник как вскинется зверем:

— Горошком отсюда катитесь, охальники меднолобые! Мне завтра Имярека по книжному делу перешибить надо—а вы тут груши околачиваете! Ноги чтоб вышей не было!

Удивились приятели, глазами захлопали. Не вдомек им, что у каждого Охальника своя пружинка есть. Найти ее только не легко.

Вас. Лебедев-Кумач.

ЧАСТУШКИ ХУЛИГАНСКИЕ.

Хорошо на свете жить,—

Брови не нахмуривай!

Хошь—морожено лики,

Хошь—гуляй, покуривай!

Елки-палки—трын-трава!

Что нам рупь, да что нам два,

Отрасли вихлястые..

Руки некуда девать—

А, как Петька давеча,
Пустьков касательно,
Зацепился с дамочкой—
Выругался матерно!

Митька лавры все пожал,
Сел в театре пьяненький,
Закричал:—Горим! Пожар!—
Вот уж было паники!

На окне лежу, пою—
Чистый воздух—здорово!—
Аккуратненько плюю
Прохожим на головы!

Ходим цепью—смехота!—
Гуляем по городу:
Папироску изо рта—
Прохожему в бороду!

Ходит Любка драная,
Модная да пьяная:
В кабинетик—с фрайером,
А фрайер со шпайером!

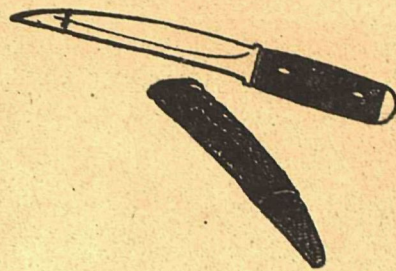
Эх, шанго! В душе огонь!
Выходи на левую!
Наших девочек не тронь,—
Под орех разделаю!

Сердцу скучно: екает!—
Сядем по-хорошему...
Столячек под елкою,
Желтые горошины!

Галстух—бантик, белый кант,
Ребята все модные...
За стаканчиком—стакан,
Самое холодное!

Скрипка подлая поет
Про ветку акации...
Эх ты суд, да эх ты год
Строгой изоляции!

Зубило.

ХОРОШИЙ ТОН.

Несколько дней тому назад ко мне в руки попал интересный документ.

Произошло это следующим образом. Рядом со мной в трамвае сидел молодой человек чрезвычайно импозантного вида. Все в нем было живописно и отличительно, начиная от сдвинутой на затылок кепки, переливавшей 80-ю тонами, до брюк-клевш, совершенно сверхестественных: в сравнении с ними знаменитые шаровары Тараса Бульбы, шириной с Черное море, казались бы узким трико.

Выходя из вагона, этот молодой человек забыл небольшую записную книжку. Я подобрал ее. На первой странице было написано:

Правила, как вести себя в кино-клубе.
Составил Семен Иванович Хрящев.

И дальше было изложено следующее:

«1. На сеанс надоть итти загодя, часов с 5 вечера. Покеда откроют кассу, можно развлекаться подножками прохожим или забирая у торговков бесплатно подсолнухи.

2. Насчет билета лучши заранее напугать контролера, чтобы не смел спрашивать. А то брать подешевле и садиться на перьвые места. Хорошо еще абжулить кассиршу.

3. Ежели все стулья в фойе заняты, надо подойти к какой ни на есть сидящей женщине и рассказывать чиво-нибудь неприличное товарищу. Женщина застыдится и слезет со стула. Тут и садись.

4. Гуляющей публике лучше всего итти навстречу и наступать на ноги. Можно еще и пускать дым в лица.

5. С администрацией объясняться только матом. Иначе не будут уважать. Впрочем, матюкать полезно всех, кроме мильтона.

6. За час до начала сеанса надо стать у дверей в зрительный зал и напирать на публику, как говорить, жать сало, а как пройдешь в зал, сейчас же занимать мест 8 вряд для себя и для знакомых. На стулья класть шапки, окурки и галоши (что, дескать, занято). А кто не поверит, что место занято, то изматюкать отдельно.

7. У соседей требовать, чтобы сняли шляпы. А если у какой женщины высокая прическа, сказать, чтобы распустила волосы. Хоть и не распустит, а весело. Самому шапки не снимать и хватать, кого можно, за икры: все равно темно, и не поймают.

8. Соседям спереди привязывать, что возможно, к стульям: косы, платки, вуали. Которые сидят сзади, тем отшибить руки, если положат на спинку стула.

9. Надписи читать вслух и выискивать, нельзя ли переделать в неприличное. Если можно, переделывать и сообщать погромче. Также и по ходу картины. Ежели, скажем, на экране целуются, то пускать звук, будто поцелуй. Если драка, объяснять публике, кого и куда хорошо бы сичас ударить.

10. Если пришел с бабой, действуй, пока баба не запищит. На соседей наплюй раз и навсегда.

11. Как сеанс кончился, при к двери и жми напоследях, сколько можешь. Вспоминай вслух все, что переделал на неприличное из картины. Билет засунь кому-нибудь из публики в шляпу или за шиворот.

Домой не ходи, а заворачивай во второй раз на сеанс.

На этом запись кончается.

В. Ардов.

„Крокодил“ у тов. Крыленко.

Пришел „Крокодил“ к прокурору Республики тов. Крыленко:

— Не напишете ли вы нам что-нибудь для хулиганского номера?

— Да я написал статейку,—говорит тов. Крыленко,—только она уже помещена.

— Где же?

— А в Уголовном Кодексе.

В. Ил.

— Какой это хулиган гусей на дороге наставил?!

Трудно пройти
Нам девочке

— Гражданин! Разрешите пройти

БРАТИШКА.

— Поплавал я по земле, братишка, хорошо поплавал—что надо, в полный ход—и никаких пашнадцать! Знай наших моряков. Хорошо, братишка, пожито, а почему, ты спросишь? А потому, братишка, что душа в mine широкая, как клеш широкая, и клеш в mine широкий—двоих упрятать, третьему место останется. Для моей души, братишка, никакие препятствия необязательны. Дашь клеш—концы в воду. Хорош!

Душа в mine—морская, тормазов не признает. И ежели руки зачесутся—будь добрый—морду сам подстановляй. Уж такая моя специальность:

— Клеш—в зубы даешь!

А кому благородства личности жалко... пожаласта... раз, два—ваших нет; брюхо вспорю финкой—никаких пашнадцать... И столько кишки оттудова выпрет—цельный квартал поливать можно. А сам—ходу. Фок на мачту, правым бортом в переулочок...

...Ну, ежели, конечно, дело в ночных мраках, то подколови и обчистить можно. Нам—фарт, а покойничек чистеньким представится.

Или, в пример, по женскому вопросу, которые девчонки чистенькие, то могу я, братишка, подобное терпеть? Это при моем-то душевном размахе и общей с ноги до головы мореходной революционности, могу я спокойно ихние невинности сносить? Скажи сам, братишка. Какая же после того есть революция, ежели буржуазность предрассудка в невинном виде сохраняется?!

Долой невинность — и никаких пашнадцать; потому мы, моряки, может, через эту самую невинность кругом виноватые, хотя за свободу стараемся и вообще, братишка,—под красным знаменем труда. Вперед!

Ты, братишка, не смотри, что в mine на груди—хрестик золотой с цепочкой. Это—трофеи, братишка, и пусть себе хрестик висит, он никому не мешаит, а в сердцах в mine советская звезда, может, вспыхивает и путь указующий к свободе дает. Я, братишка, со стажем: давшь кошель, берешь ножа в бок—и никаких пашнадцать! Чистая работа. Сказал: даешь—берешь монету,—огребаешь русскую горькую, потому жизнь в mine тоже горькая и тоже русская. Ну, я не жалюсь, не дите, сладости не требую, и да здравствует Интернационал без никаких иностранцев. Мы, братишка, люди русские, самородные, свою самогонку самостоятельно гоним и—безо всякого иностранного вмешательства...

...Когда смотрю я, и что я вижу, братишка? Одна подобная личность востребивает себе горькую, ну не нашу, а заграничную и английскую. Хорошо-с. Счас я до его с ножиком:

— Душа с тебе вон, пей русскую, пей, тебе говорю! Не пьешь? Ладно, матьвоя-родительница... Ладно же, и вот тебе, гадука, за бойкоты русского производства. Гык—ножик в бочок: в доску испортил человеку пищеварение. Иначе как же?

...А до горькой марафетом я держался. Сунешь щепотку в ноздрю—никаких пашнадцать. Земля под тобой—волна окианская, спод клепа пыль столбом и—чихать на все, гуляй, душа; все для ней ходы открытые, а где остановка с пропуском, то наш, братишка, пропуск один—наган с карману, лягавому в зубы. Вот он наш пропуск. Прямолинейно!

Очень я, братишка, личность прямолинейная и душа в mine такая: с одного берегу другого не видать. Обожают меня за мою храбрость женский пол—проходу нету:

— Ничего для тебя, миленькова, не пожилеем—очень твой клеш нам в сердце взойшел!..

И не пожилели, стервы,—«полным чином» награжден.

— Я—в диспасер. Даешь, в господа вашего бога,—пилюли. Я личность революционная; вся республика на вас за мое выздоровление с надеждами смотреть. Даешь пилюли — и никаких пашнадцать!

— Вам не пилюли, вам вливание требуется!

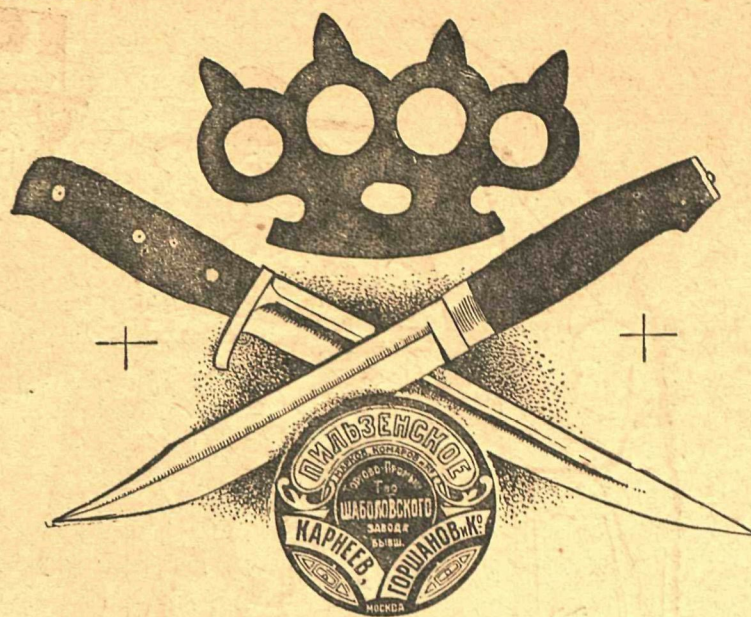
— Брось, говорю, наливать, гадука! Ты эти штучки брось. Робу свою не пожилею, бимбор золотой отдам, колечко с гранатиком. Лечи враз! Я, братишка,—на всей суше первый франт. Роба в mine суконная, биле дамское с кружевом, браслетка на руке золотая и зубья той же пробы, а клеш в mine, братишка,—знаменитый, клеш в mine царь-колокол... клеш в mine...

И что-ж теперь, скажи, братишка, получается? Клеши отменяют—обратно берут наши свободные завоевания. Как же так, братишка? Какой же из меня моряк, ежели без клеши? Кака-ж это завоевания Октября и пролетарьята, братишка? За что-ж мы, братишка, страдали, за что рабоче-крестьянскую кровь проливали, братишка?!!

Л. Митницкий.

ПРОЭКТ ЗНАЧКА ДЛЯ ХУЛИГАНА.

Рис. К. Е.

ЕГО БИОГРАФИЯ.

1. Детство. Совсем еще крошкой
Мудрил над кошкой:
Вертел за хвост и, визжа,
Бросал с четвертого этажа.
Когда слегка подрос, —
Стащил у жильца папирос
И после порки нагадил папе
В шляпе.

2. Отрочество. Звонил в чужой звонок
И удирал со всех ног.
Клад в коробку или пакет
Свой переваренный обед
И забавлялся, когда прохожий
Бросал пакет с перекошенной рожей.
Слабосильным мальчишкам бил носы,
У девченок — бант вырывал из косы,
В школе науку постиг не скоро,
Чистописание—прошел у забора,
В классе любил посыпать тайком
Нюхательным табаком.
Учителю в стул вставлял булавки,
Мелом швырялся с задней лавки, ..
А в переменах на дворе
Старался мешать любой игре.

3. Юность. Вырос. Изрезал ножиком парты.
Стал за уроком дуться в карты,
Мог рассказать наперечет
Любой похабнейший анекдот,
Читал объявления врачей в газете
И очень любил писать в клозете.
Мог просветить юнца любого
Точной цитатой из Баркова.
Начал в винах толк понимать
И прочно усвоил слово: мать.
Образ жизни вел крайне веселый.
Без сожаленья расстался со школой
И гордо пошел проявлять молодечество
За веру, царя и отечество.

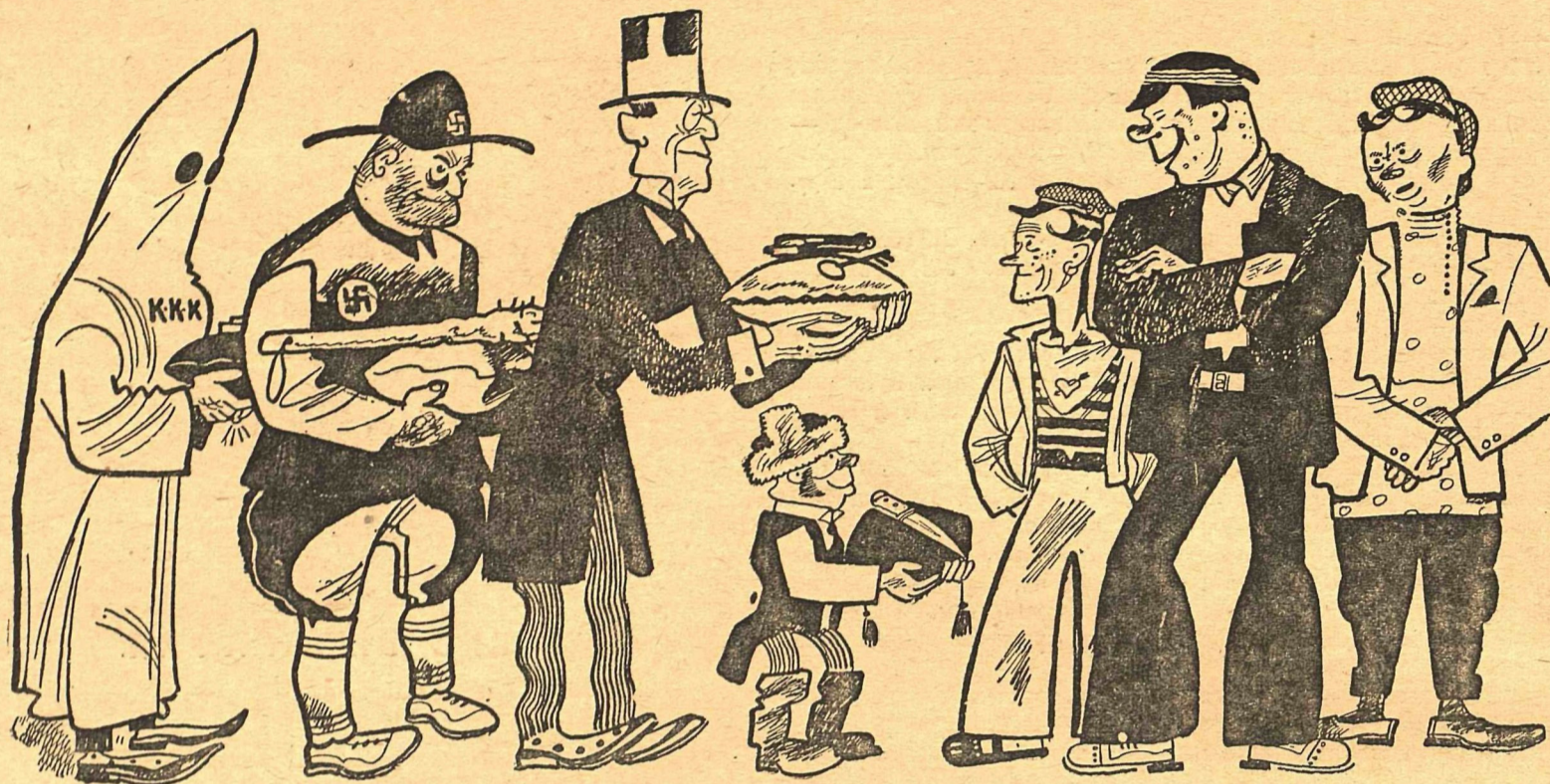
4. Переходный период. Форму свою — он носил не даром:
Будучи стойким земгусаром,
Без счету уронов за всю войну
Нанес и женщинам, и вину,
Готовясь живот положить за царя,
Вплоть до самого Октября.
В Октябре — он сразу стал речистым,
Гордым и пламенным анархистом;
Забывши разом живот положить,
В особняке стал по-царски жить.
Взятый без выстрела комсомольцем,—
Сразу пошел на фронт добровольцем,
А там, подделавши пропуска,
Сбежал в деникинские войска.
Повеселившись с Деникиным всласть,
Заметил, что кончилась белых власть,
И, продав интендантское сукно,
Перемахнул к Махно.

5. Зрелый возраст. Теперь, сменивши после войны
Сто пятьдесят четыре жены
И насаливши каждой жене, —
Он, наконец, созрел вполне.
Одни говорят, что он в Париже,
Другие — будто значительно ближе,
Будто в окрестностях Москвы
Видели профиль его головы.
Говорят, что стало его имя
В списке тех, кому жить в Нарыме,
И уверяют еще, будто он
До сих пор где-то держит притон...
Муур дорогой! Мы горим нетерпеньем
Узнать конец его приключениям.

Вас. Лебедев-Кумач.

— Ежели ты, стерва, грамотная, то читай, а не хулигань!

ИНОСТРАННЫЕ ХУЛИГАНЫ: — Господа русские хулиганы! Хотя вы и не фашисты, но в ознаменование вашей полезной для нас деятельности примите наше общее почетное оружие...

СПЛОШНОЕ ХУЛИГАНСТВО.

Старик Собакин вытер скатертью багровую шею с чирьями и, злобно покосившись на солнечное небо, игравшее за окном всеми цветами, имевшимися в его распоряжении, пробормотал:

— Сукины дети! Распустился народ! Охамел! Никаких нравственных понятий не имеет! Сплошное хулиганство пошло. Одно слово, советская власть. Да-с.

Собакин был в комнате один и обращался преимущественно к мутному, пятнистому самовару, который с отвращением отражал седую, стриженую бобриком голову, толстый нос, лиловые уши, худые щеки и маленькие злобные глазки, глубоко и прочно засевшие под узким морщинистым лбом.

— Тьфу, на вас всех! — продолжал Собакин, допивая шестой стакан чаю.—Плюю! Чтоб вы сдохли!..

За стеной, у соседей-рабфаковцев слышался монотонный голос:

— Финансовой политикой называются способы, которыми пользуется государство при извлечении и распределении средств.... Налоги подразделяются на денежные и натуральные.... Денежные налоги можно разбить на три гру....

Собакин постучал щеткой в стену и проскрипел:

— Пап-пра-шу прекратить шум! Вы мне мешаєте работать. Хулиганы!..

— У нас послезавтра зачеты. Извините. «Разбить на три группы: прямые, косвенные и пошлины. Прямыми называются такие, кото....»

— Ну, разве не хулиганы?—горестно прошептал Собакин,—что с них взять?—Хулиганы и есть хулиганы. Одно слово, комсомол. У самих, можно сказать, башмаки каши просят, а туда же в образованные лезут. «Налоги, видите-ли, подразделяются на три категории», ну, не сукины дети после этого? Хамы. Слышать не могу!

Старик Собакин с треском открыл окно и высунулся на улицу. По улице шел отряд пионеров. Карапуз в красном галстуке чрезвычайно серьезно и деловито барабанил на большом барабане....

— Прошу убедиться,—желчно подмигнул Собакин фонарному столбу.—Прошу убедиться! Барабанят! Как вам это нравится? Работать порядочным людям не дают. Тишину общественную нарушают. Хулиганы, прости, господа. Тьфу!—Собакин с храпом потянул носом и жирно плюнул вниз.

—А вы, гражданин, там поосторожнее, прямо на портфель харкнули.

—А вы с портфелем под окнами не шляйтесь,—сухо отрезал Собакин.

— То-есть, как это, «не шляйтесь»? На то улица и существует, чтоб по ней на службу ходить.

— На службу-с?—ядовито прищурился Собакин.—Знаем мы ваши советские службы-млужбы. Небось, сидите там, да только и делаете, что взятки хапаете. А порядочному человеку даже из своей собственной жилплощади в окошко и плюнуть нельзя, без того, чтобы не нарваться на хамство! Хулиган!

— Вы там поосторожнее! Без оскорблений! Я, как представитель советского учреждения....

— Плевать мне на вас и на ваше советское учреждение...

— Миллионер!..

— Вот именно! Очень вам благодарен. Пушай милиция разберет, кто из нас хулиган.

Подписавши протокол и дав подписку о невыезде, Собакин вернулся домой.

— Ни-че-го! Пушай протокол, ну-ка-а! Старика Собакина протоколом не запугаешь. Старик Собакин все ваше хулиганство на чистую воду выведет. Старик Собакин на хулиганство плюет-с.

Собакин горько задумался.

— Охамели люди! Распустились. Куда ни посмотри—сплошное хулиганство. Скажем, к примеру, радио. Где же это такое видано в просвещенном государстве, чтобы, извините за выражение, на крыше антенны устраивать? Подумайте, пожалуйста! Накрутят, накрутят проволоки, а потом, извольте ли видеть, у себя из трубки всякие крамольные речи слушают. Ну, не хулиганы?

Собакин надел серую кепку с пуговицей и деятельно полез на чердак.

— Я вам покажу антенны,—бормотал он,—ползя на четвереньках по крыше.—А ну, где мой перочинный нож? Раз, и готово. Никаких антенн, чтоб. Где-ж это видно, чтоб на трубу проволоку наматывать? Нешто труба для этого существует? Хулиганство! Порядочной птице сесть негде.

Наскоро срезав восемь антенн, Собакин с полным сознанием исполненного долга спустился во двор и задумчиво сел на лавочку...

Тьфу, на вас всех,—пробормотал он привычно,—чтоб вы сдохли.

Внезапно тусклые глаза Собакина остановились на стенной газете, прибитой на доске, возле ворот.

— Скажите, пожалуйста,—процедил Собакин сквозь зубы,—стенную газету выдумали. Сволочи. Чтоб каждый сукин сын порядочных людей обижать мог. Ну разве-же не хулиганы? Сплошное хулиганство. Стены портят. Тьфу!

Собакин пошел к мусорной яме, выбрал самую большую дохлую крысу и бережно опустил ее в деревянный ящик с надписью:

«Просьба опускать в этот ящик материалы для стенной газеты».

— Будьте любезны, получите материалчик. Для вашей хулиганской газеты самое подходящее дело. Хи-хи!

После этого Собакин, не торопясь, вернулся в квартиру и заперся в клозете.

Сидел он в клозете часа четыре, читая житие святых.

— Гражданин Собакин,—слышались за дверью умоляющие голоса,—вы же не один в квартире. Нельзя же по три часа занимать уборную. Пустите.

— Ладно, — бормотал Собакин, — подождете. Не горим, чай!..

— Мы будем жаловаться в жилищное товарищество. Пустите. Это невежливо, наконец...

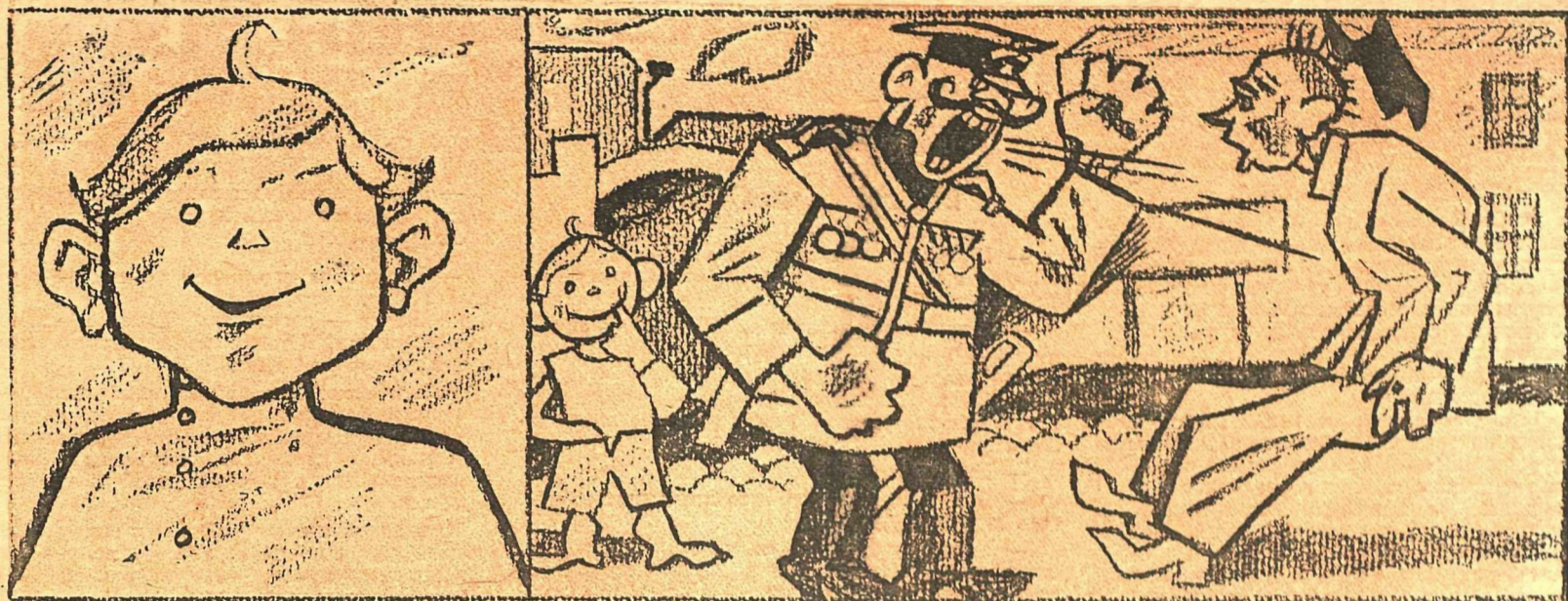
— Пап-пра-шу не стучать! — Чего-с? Невежливо? А ломиться в уборную к занятому человеку—это вежливо? Плюю я на вас и на ваше жилищное товарищество! Хулиганы!..

Валентин Катаев.

ОТ РЕДАКЦИИ.

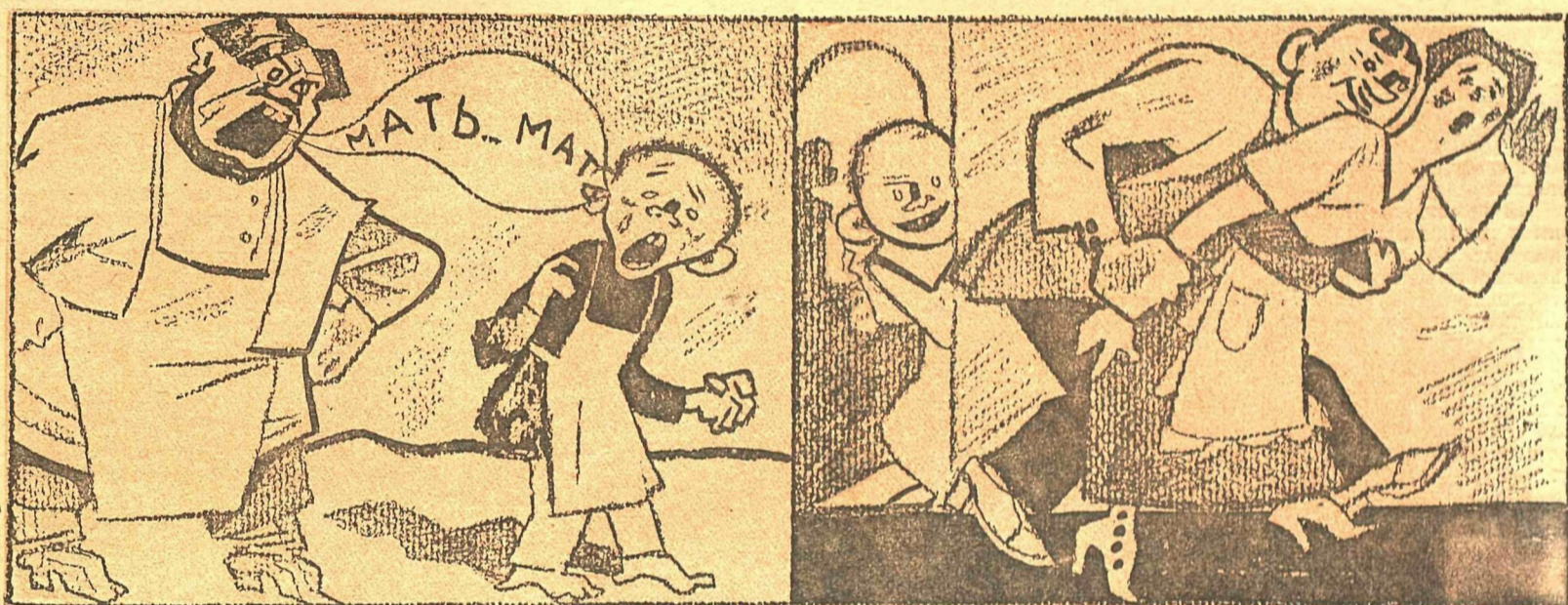
В этом № „Крокодила“ нет „Почтового ящика“. Не хотим мы хулиганам отвечать. Ты ему слово, а он тебе двадцать!

Да мало того—еще и окурков тебе в „Почтовый ящик“ наложит. Нет уж, культпросвет с ними!

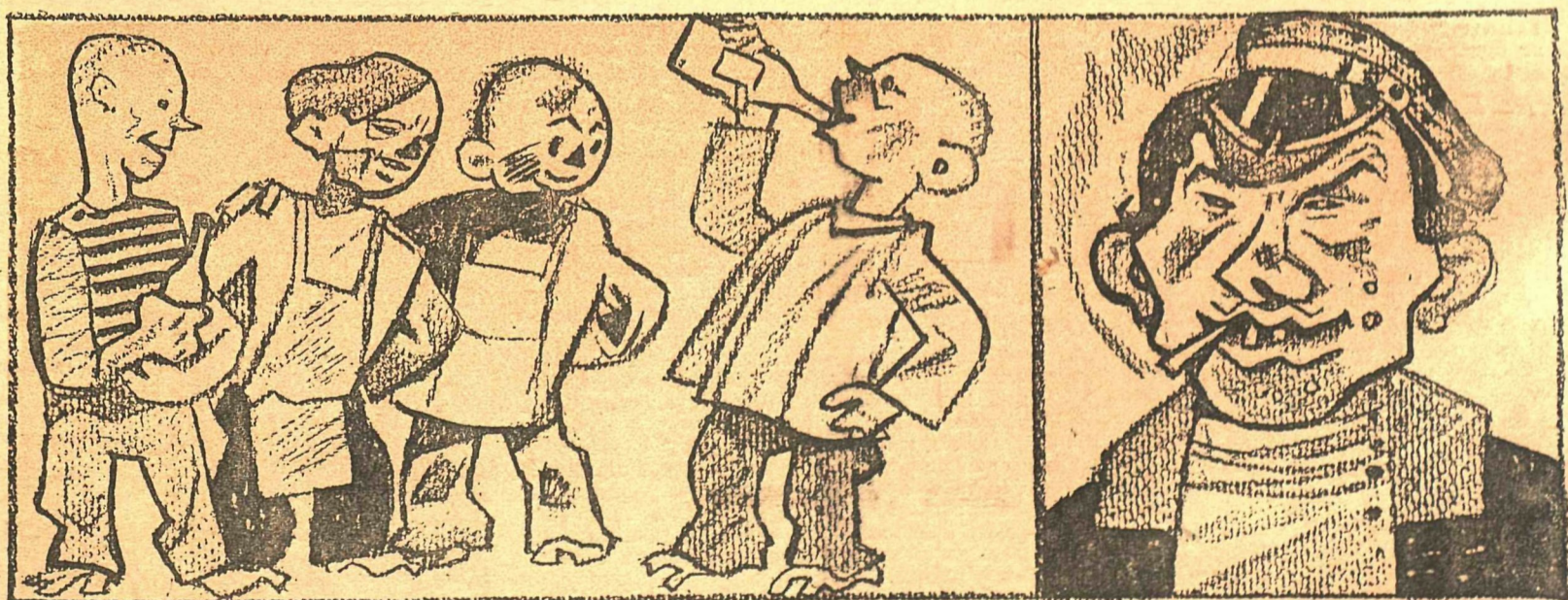
1) Митька родился в мрачные годы паризма. Воспитывала Митьку сама жизнь. Воспитывала дешево и сердито.

2) Чувствительному обращению и живым манерам Митька учился на улице...

3) Любовь к матери и постоянное упоминание ее дорогого имени Митька перенял у хозяина.

4) Трогательному отношению к женщине Митька научился у хозяйского сынка.

5) Митькины товарищи позаботились, чтобы крепкая товарищеская спайка не ослабевала.

6) И не даром Митьку—Митькой звали. Вырос он и стал хулиганом. Скоро ли Митька станет Дмитрием?

ИВИАЛЫ В БОК

ХУЛИГАНСКАЯ НАУКА.

Зав. учебной частью рабфака имени Ильича в г. Краснодаре решил, что достаточно рабфаковцы нагрызли гранит науки, и нужно им поинтересаться чем-нибудь более удобоваримым. Тов. Рыбин организовал в стенах рабфака «и только для рабфаковцев сеанс известного экспериментатора, монтевизера, иллюзиониста, факира и индусского брамина — А. Жозефа».

Афиша гласила:

«А. Жозеф покажет, каким образом факиры превращают человека в настоящую курицу. Жозеф бросит в воздух лестницу, она будет висеть, и он полезет по ней. Жозеф на глазах публики разобьет яйцо, и из него вылупится цыпленок, который на руках быстро вырастет в петуха и прокричит 3 раза «ку-ка-ре-ку». Затем петух снова превратится в цыпленка, потом в яйцо, которое будет совершенно целым».

Этот шардей Жозеф, как видите, много чудес знал. Только одного чуда он не мог постичь, как не попасть за околпачиванье рабфаковцев в ГПУ. Попал-таки, бедняжка. Жаль только, что тов. Рыбин остался непреклонным. Попросить бы Жозефа превратить Рыбина в настоящую курицу и потрепать его основательно — была бы ему наука, как организовывать «чудесные» сеансы.

ТОЖЕ ДЛЯ ЭТОГО НОМЕРА.

Приехал в Торопец, Псковской губернии, просвещенный вузовец и читал доклад о новом быте. Диспут продолжался три дня. Вот, что докладчик говорил:

«В коммунистическом обществе мужчины и женщины будут ходить голыми, ибо ношение женщинами (буржуазными) декольтированных платьев более раздражительно, чем голое тело. В прежние времена люди ходили голыми, и мужчины для красоты первичный половой признак подвязывали веревочкой к животу».

И чего, спрашивается, рабочие три дня спорили с докладчиком? Взять бы за эту самую веревочку, что к животу привязана, и вывести его из зала в первый же день, чтоб не морочил зря голову.

ВООБЩЕ О ЗУБАХ.

В гор. Рязань, Рязанской губ., есть начмиллицин Филимонов. Пьяным он бывает чаще, чем трезвым.

В Стрелецкой слободке он напился наднях до того, что вытаскил револьвер и разогнал из избы всех крестьян, предвзвительно выбив зубы некоторым из них.

Зубастый начмиллицин, нечего сказать. Только нам он зубы не заговорит. Надеемся, что в скором времени у него у самого зуб на зуб попадать не будет, раз уж он на наш зубок попался.

Рис. Ю. Г.

ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТКИ.

— Шакалов! — сказал ответственный секретарь, — вы должны срочно заснять парочку хулиганов для нашего журнала.

— В профиль, ан-фас и за работой? — спросил фотограф Шакалов глухим басом.

— Именно, — обрадовался секретарь, — именно за работой... Не где-нибудь там, в кругу семьи, а за работой. И чтоб завтра утром я имел на столе хулиганов. Поняли?

— Не беспокойтесь.

— Смотрите, Шакалов, а то хулиганы появятся в другом журнале!

— Хулиганы будут, — сказал Шакалов и удалился, гремя треножником и другими орудиями производства.

* * *

Совершенно правильно учтя, что хулиганы водятся преимущественно ночью, Шакалов захватил с собой побольше магния, и с наступлением сумерек отправился в путь.

«Глазомер, быстрота и натиск», — думал Шакалов, обходя бульвары и скверы, — «вот что нужно хорошему, опытному художнику фото-корреспонденту Шакалову, и надо прямо сказать, что у Шакалова эти качества имеются на 100 процентов... Заметив парочку подходящих хулиганов, я буду действовать быстро и решительно... Я последую за ними... А когда они начнут хулиганить, я их сниму».

Выработав этот несложный, но верный план действий, Шакалов нацелился в двух здоровенных хулиганов с гигантским клещем, и устремился вслед за ними.

Ничего не подозревающие хулиганы шли медленно, в перевалку, грызли семечки и иллюстрировали этот незатейливый пищеварительный процесс мелодичным насвистыванием «Кирпичиков».

— «Поймались, голубчики, — ехидно думал Шакалов, — вот вы сейчас станете хулиганить, а я вас и сниму... Даже глазом не моргнете».

Хулиганы сели на скамью и тихо запели «Вниз по матушке, по Волге».

«Пойте, пойте, миленькие», — сказал сам себе Шакалов, садясь на противоположную скамейку, — «посмотрим, как вы поете, когда увидите свои рожи в журнале».

Хулиганы перестали петь и завели между собой тихую, дружескую беседу. Прошел час.

«Даже как-то обидно», — скрипнул Шакалов зубами, — «сидят, как дураки, и хоть бы что. Тоже... хулиганы... Дураки-вы, а не хулиганы, вот что. Настоящий хулиган ни одной девушки не пропустит, чтобы не обидеть, а они, чорт бы их задра, уже штук пятьдесят пропустили».

Один из хулиганов докурив папироску, нерешительно повертел окуроч в руках, подумал и, отойдя на несколько шагов от скамьи, бросил окуроч в урну.

Шакалов не выдержал. Он вскочил с места и подошел к хулиганам.

— Добрый вечер, ребятки, — сказал он дружелюбно, — скучаете, небось, все?

— Скучаем, — совзались хулиганы, с почтением поглядывая на Шакалова.

— То-то, что скучаете. А почему, спрашивается, скучаете? А потому, что размаху нет у вас настоящего... Веселости нет... Эх...

Через час Шакалов сидел с хулиганом в пивной и говорил:

— Эх, ребятки. Губите вы себя — одно слово, губите... Да разве ребята ваших лет скучают... Совершенно наоборот. И даже очень просто... Храбрости у вас нет, ребятки, храбрости. Увидели вы, к примеру, стекло... Ну, обыкновенное оконное стекло... Что же вы с ним сделаете?

Ребята молчали, но на их раскрасневшихся лицах и в сиявших весельем глазах можно было прочесть буйное желание поскорее узнать новый усовершенствованный способ обращения с оконными стеклами.

— Не знаете? — укоризненно спросил Шакалов, — эх, вы! Разбить его нужно! Камнем! Р-р-р-раз! Дзэнь! Вот что нужно сделать с оконным стеклом. А если, ребятки, вы увидите прохожего, одиноко идущего по пустынной улице... Что вы тогда сделаете?

— И никого не будет вокруг? — спросил наиболее сообразительный хулиган.

— Никого.

— Тогда мы его будем бить... Р-р-р-раз! Дзэнь!

— Верно — воскликнул Шакалов — пррравильно, ребята! В таких случаях нужно бить по морде... Р-р-р-раз! Дзэнь!..

Ребята оказались поразительно способными. В какие-нибудь полчаса они усвоили не только способы обращения со встречаемыми гражданами и бьющимися предметами, но также и правила о взаимоотношениях с милицией и судебными органами.

Выходя из пивной, Шакалов вытер платком мокрый лоб и подумал: «Теперь дело в шляпе. Три хороших снимка — ан-фас, в профиль и за работой — не позже завтрашнего утра украсят письменный стол секретаря. Ты заслужил свой гонорар, старина Шакалов».

Идя по темному переулку, ребята икали и пошатывались. Шакалов, держа наготове аппарат, следовал сзади.

Возле витрины магазина ребята остановились. Шакалов быстро поставил аппарат на треножник и приготовил магний.

Ребята, как дикие зубры, бросились на витрину. Раздался звон разбитого стекла. Вспыхнул магний.

— Мерси, — сказал Шакалов по привычке. — Готово.

— Р-р-р-раз! Дзэнь! — бормотали ребята, поворачиваясь обратно. — Даешь прохожего. Р-р-р-р...

Ребята столкнулись с Шакаловым лицом к лицу и остановились.

— Т-т-ты п-п-прох-хожий?

— Ребятки, — закричал Шакалов, бледнея, — это я, Шакалов, ваш друг. Я — не прохожий, ребяташки. Вы меня не узнали... Ребя...

— Р-р-р-раз! Дзэнь! — сказали ребятки. — Даешь прохожего. Прохожего нужно бить по морде. Р-р-р-раз!

— Караул, — закричал Шакалов, но было уже поздно.

— Р-р-р-раз! Дзэнь! — приговаривали ребята. — Р-р-раз! Дзэнь!

Теряя сознание, Шакалов успел заметить короткую вспышку магния и услышать знакомое: «Готово, мерси».

Через неделю в «другом журнале» появился сенсационный снимок под названием: «Избиение одинокого прохожего хулиганом». В одиноком прохожем Шакалов с ужасом и изумлением узнал самого себя.

Е. Петров.

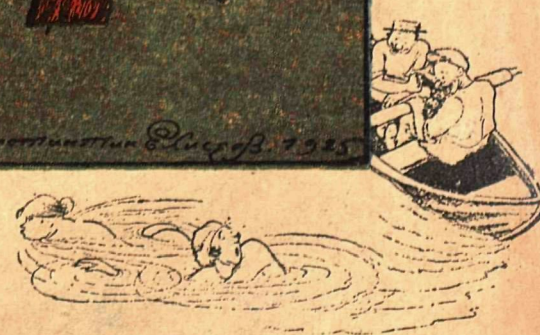
Рис. Ю. Г.

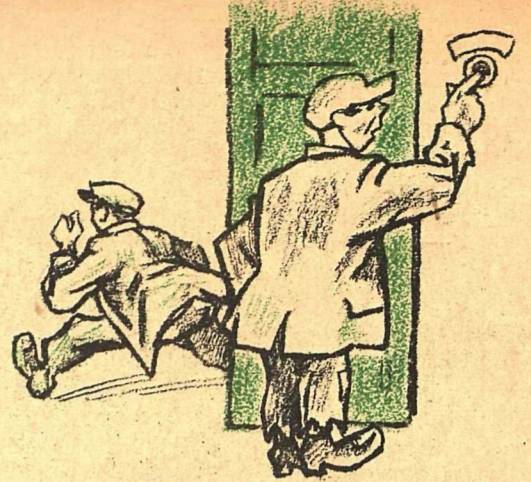
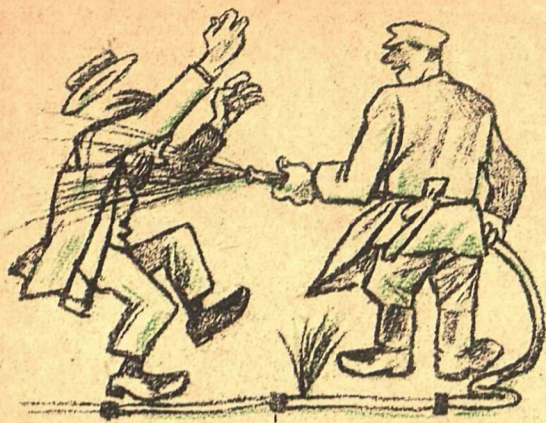

— Пардон! Берите мелкую цель—негритенка, а крупную оставьте для дамы.

Вот и дураки

НЕНАКАЗУЕМОЕ.

Правление клуба «Красная Краска» слушало—постановило:
«Объявить неделю борьбы с хулиганством в клубе».

— Что же! Сегодня и начнем! Кстати, драмкружок сегодня интересную постановку дает,—сатира там, импровизация и все прочее. Народу будет—невпроворот. Так вот, Тиша, ты и сделай перед началом кратенький доклад. Так сказать, вступительный к неделе. А потом—каждый вечер!

Тиша помялся, помялся и заявил скромно:

— Не в голосе я как-то...

— Ну, ну, не лмайся. Спец, можно сказать, по докладам. Сколько отвалил за месяц.

— Семнадцать,—с гордостью подсчитал Тиша: доклады—моя специальность. Так, сегодня—о хулиганстве, говоришь?

...Зал клуба был переполнен. Ребята из драмкружка давно готовились к постановке, о работе их все члены клуба знали, все интересовались ею и в клуб забралась спозаранку, тем более, что драмкружок предупреждал:

— Здоровая постановка,—рано начнем, а то затянется...

И, действительно, ровно в восемь часов прозвучали призывно звонки, поднялся перед притихшим залом занавес и...

Предправления клуба встал позвонил в колокольчик и сообщил:

— Товарищи! Все мы, конечно, хорошо знаем о том вреде, который приносит хулиганство нашей клубной работе. Чтобы этого не было и в корне было вырвано вредное явление, а работа стала на высоту, то и проводим мы от сего числа неделю по борьбе с хулиганством, которое есть разедающая язва на теле нашей культуры и работы. И призываю я, товарищи, к борьбе с этим злом, которое не только позорит, но и причиняет неисправимый вред. Но железная рука рабочего пролетариата со стальной энергией возьмется за искоренение и сотрет этот пережиток с лица. Слово для доклада предоставляется товарищу Тихону Тихову.

Пред меланхолично похлопал в ладоши на предмет заронения энтузиазма в сердца слушателей. Кто-то из глубины зала робко шлепнул в свою очередь. Тиша встал, привычным ораторским жестом провел по гладко стриженной голове, откашлялся пронзительным тенором и начал.

— Уважаемые товарищи. Борьба с хулиганством, этим злом, ржавеющим на стальном теле нашего великого трудового Союза с крестьянством, не может не вызвать отклика со стороны всех тех товарищей, которым дороги интересы нашей трудовой земли и республики. Но что есть хулиганство? Чтобы установить, какая это есть заноза, я, товарищи, в кратчайших словах остановлюсь на текущем моменте и затем, осветив перед вами наши достижения в различных областях, вкратцах коснусь положения в колониальных странах и перейду...

В зале пронесся тихий стон ужаса. Председатель строго посмотрел на собравшихся, а Тиша, выдержав паузу, продолжал...

Игнат Кулдыга сидел и слушал. Тишины слова падали на голову, как назойливые капли холодной воды: сначала ничего, потом надоедно, а дальше уже начинало ломить голову, поспину и щемяло под ложечкой.

Около десяти часов, когда Тиша проехался в своем обозрении по истории рабочего правительства в Англии, раскритиковал деятельность Макдональда и готовился подробно рассказать про то, как Макдональд власть утратил, Игнат Кулдыга почувствовал, что ему делается совсем нехорошо: перед глазами поплыли какие-то зеленые круги, в ушах начался сильный звон, а слюна из-под языка бежала вожжей.

— Чорт бы его побрал!—подумал он: попробую не слушать,—может отойдет хоть немного!

И Кулдыга начал про себя читать «Интернационал» наизуанку. Работа была трудная, требовала сильного напряжения и Кулдыга даже вспотел. До половины двенадцатого время было убито. Но когда Кулдыга просмаковал последнюю строчку, звучащую в его переложении—«йыннемелказ метялкорп, йаватсв» и вывел заключение из своей работы, что в «Интернационале» много букв «ь» и «й», затрудняющих переложение, по освеженной несколько голове сразу ударила решительная фраза оратора:

— Теперь, товарищи, перехожу к обозрению положения так называемых побежденных стран. Вы знаете, товарищи, что Версальский грабительский мир был удовлетворенным ненасытных интересов империалистических хищников капиталистической Антанты...

Перед глазами Кулдыги поплыла и завертелась сцена... Близкий к обмороку он пытался подняться и уйти, но ноги подкашивались и он снова беспомощно упал на стул.

— Ну и хулиганское же нынче поколение!..

— А что?

— Да сам видишь,—маленький ребеночек, и тот благим матом орет.

За кулисами послышалось какое-то движение. Один из членов правления встал из-за стола и ушел туда. Тиша повысил голос...

Режиссера драмкружка удалось из петли вытащить, но отравившаяся нашатырным спиртом «героиня» кружка Анфисова умерла. Впрочем, это уже на другой день. А пока—за кулисами снова воцарилась тишина, слегка прерываемая заглушенным коллективным рыданием драмкружка.

Тиша разливался соловьем по поводу незаконного режима Хорти в Венгрии.

В воздухе чувствовался ритм нарастающих катастроф. У Кулдыги мучительно колотилось сердце, судорожно вздрагивали руки:

— А что, если встать, да и крикнуть—«пожар»?.. Может быть он замолчит?—пронеслось в отуманенной голове Кулдыги.

Но ни встать, ни крикнуть он не мог. Искры перед глазами слетели в какой-то ослепительный луч, а стон и звон в ушах напоминал заводский гудок. И сквозь этот гудок Тишин голос продолжал закладывать в мозг гвозди фраз о безнадежном положении Албании.

На дворе рассветало. Окна клубной залы серыми четырехугольниками укоризненно поглядывали на оратора, но он, обливаясь изредка застывшими губами, продолжал истощающе обрисовывать натянутость в отношениях между Италией и Югославией из-за Фиуме.

Около четырех часов утра Кулдыга почувствовал в мозгу острую боль. Собравши последние силы, он вскочил, дико захохотал и выкрикнул на весь зал стильное напоминание о родственниках по женской линии товарища Игнати и правления клуба. Гром аплодисментов покрыл его выступление. Из зала его вынесли на руках не столько из-за преклонения перед его поступком, сколько из-за того, что он был в глубоком обмороке.

Когда, после четырехнедельного пребывания в больнице, Кулдыга вышел на работу, то узнал, что из числа членов клуба исключены за хулиганство он, режиссер и умершая Анфисова.

Вл. Павлов.

БЛАГОЙ „МАТ“.

В деткомиссию при ВЦИК представлен проект взимания штрафов за сквернословие в пользу беспризорных детей. Эти штрафы должны дать большие суммы, которые могут облегчить положение беспризорных детей.

Из газет.

Все на свете превратно! Все превратно на свете!..

Грустно брел, одинокий, я в предутренней мгле

И увидел картину: беспризорные дети

Спали, крепко обнявшись, в полутеплом котле...

Сколько личиков милых в сладко дышащей груди!

Голодают ребята от зари до зари...

Раз — в котле ребяташки, — значит, взрослые люди

Сквернословили мало, чорт их всех раздери!..

Участь бедных детишек и тяжка, и сурова:

Неудавшихся жизнью человеческий тюк!

Но я верю: раздастся трехэтажное слово,

И спасет положенье густопсовый матюк!

Вы, чья жизнь так убога, — не надейтесь на бога:

Не спасут вас, детишки, ни господь, ни аллах!

Будут люди ругаться, — будут штрафы взиматься,

И пойдут эти деньги тем, кто чихнет в котлах!..

Сина детские лица... Ах, ужель будет длиться

Этот жуткий, кошмарный, незаслуженный ад?..

Дети гибнут безвинно... зазвучи-ж, матершина!

Вся надежда — на ругань! Вся надежда — на мат!..

Чу!.. Идут ломовые... Выраженья крррррррррррррррррр!

Все пьяны, точно стельки, и бранятся гуртом...

Воздух рдеет от мата! Это значит, ребята:

Будут вам и постельки, будут вам и детдом!.. М. Пустынный.

Останется живуча
восп... аеуца

ОБИЖЕННЫЙ.

Самая лучшая столовая с пивом и всегда свежими раками в Кинешме—это каждый знает — «Авангард».

Вот в этой столовой и работает официантом Антон Митрофанович Тимонькин. Низкорослый и весом пудов на шесть, он от других служащих «Авангарда» отличается еще тем, что чрезвычайно угрюм, медлителен и вежлив. Ни одного лишнего слова. Уже с утра, когда еще буфетчик режет колбасу, когда еще кассирша одной рукой пудрит нос, другой поправляет прическу, Тимонькин стоит на своем месте, у стены, возле фикуса, с перекинутой салфеткой на левую руку. Стоит, непрерывно подвигивая то правый, то левый ус и ухмыляется презрительно, с отвращением.

Не нравится ему «Авангард». Ух, не нравится. Хлев. Так и говорит своей жене, когда уходит на работу: «Пора уже итти в этот хлев».

Особенно Антон Митрофанович ненавидит посетителей столовой. Их зовет «пассажирами».

Когда нет «пассажиров», он весь в прошлом. Вспоминает свою службу в первом классе московского ресторана «Балканы», где публика была чистая, где меньше полтинника не давали на чай. С особенным удовольствием его память перелистывает тот случай, когда капитан Снегирев вымазал горчицей морду Тимонькину, заплатив за это золотую пятерочку. Вот это — да. Это я понимаю. Человек с душой, с характером! А сейчас что? Рвань. Голоштанники. Разве они себе это позволяют? Скажешь ему: «Вам чего-с, консомэ с паштетом или крем а ля рен?». А он брякнул пучит! Некультурность.

Стоит Тимонькин, и до ушей его, как далекое, невозвратное эхо, доносятся басы из «Балкан»: — «Чел-э!» — И думает он: — Бывало, летишь. Летишь, сломя голову. А сейчас — «товарищ, будьте любезны второе». Слушать приятно. Работать на таких совестно.

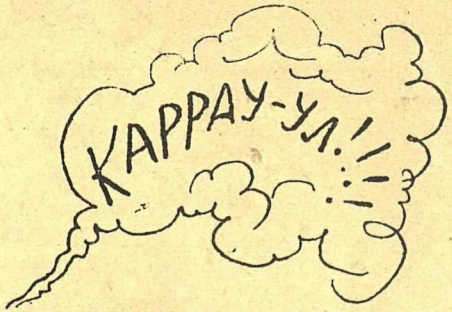
А Тимонькин мстит «пассажирам».

Каждый раз, когда подает щи, чай или пиво, то непременно туда плюнет. Плюет с остервенением, причмокивая губами. Больше всего от него достается ответственным коммунистам.

«Сейчас мы тебя угостим поответственной», говорит Антон Митрофанович, и плюет в стакан или тарелку три-четыре раза. Сколько успеет. В то время, как остальным ограничивается одним плевком.

Итоги прошедшего дня Тимонькин подводит дома с женой за чаем.

ХУЛИГАНСКИЙ ПАНОПТИКУМ.

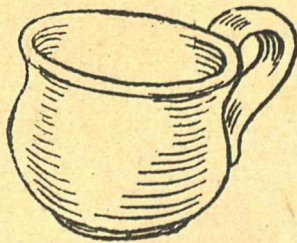

ХУЛИГАН НА КАЗЕННОЙ СЛУЖБЕ.

(Гор. Кимры, Тверской губ.).

Истовый вопль, испускавший милиционером Сердюченко (с ф-ки им. Калинина, быв. Кузнецова), когда его после уличных подвигов тащили «к исусу».

Зря изобидели человека. Ну, что он сделал такого? Приехал погулять на троицу, одетый в полный парад; раздавил бутылочки четыре; обнаружил в собственной жене сразу двух бандитов (ибо в глазах у него двоилось); гнал ее по улице, потрясая наганом; своротил лоток с селе-

ПОРЯДОЧКИ...

(Москва, санаторий в Благовещенском, 6).

Посуда, опорожняемая на улицу из окна второго этажа «Благовещенского санатория» моздзавотдела. Из такой посуды были sprыснуты двое прохожих 26 мая, вечером.

«Крокодил» колебался: не поместить ли этот экспонат в «специальный изобретательский» номер... Однако, обдумав, поместил в номер, более подходящий: специальный хулиганский.

— Мажь! Дегтюй хлеще! Они про нас номер выпустили.

— Вот, Екатерина Андреевна, расскажу я вам: приходит сегодня в «Авангард» тип. Важный, с портфельчиком. Ну, я его и уважил. Восемь раз плюнул! Восемь раз, едят его мухи!

— Антон Митрофанович, вы все-таки осторожней. Долго-ли влопаться.

— Чепуха. «Авангард» — это не «Балканы». Вон там, действительно. Помню, раз подавал купцу Харитонову, и ножик уронил. Ни слова не сказал господин Харитонов, а бац тарелкой по баншке. Тарелка на четыре куса так и раскололась. А здесь что? Разве тут люди. Хамье. Хулиганы. Некультурная масса. Они все сожрут. Что им ни дай—вылакают.

— Ах, какой же вы храбрый! — восторгается жена.

И Антон Митрофанович, довольный и радостный, говорит Екатерине Андреевне:

— Ну-те-ка, возьми со стенки счеты. Прикинем. Любопытно подытожить. Так. Значит, ставьте: Один плевком приказчику из кооператива, есть? Три плевка — члену союза Нарпита. Два — постовому милиционеру. Три — участковому. Пять — приезжому. Секретарю ячейки из коммунотдела — пять. Один — неизвестному в коричневой фуражке...

А ночью снится Тимонькину, что на его долю выпал такой славный денек, когда удалось плюнуть тысячу раз...

И, должно быть, поэтому, утром в его подвигнутых кверху усах играет счастливая, веселая улыбка...

Б. Левин.

Г Л У М.

Ходит Глум по улицам в английском пальто, во французском цилиндре, говорит на всевозможных языках, а в руке тросточка.

Совсем европеец!..

Идет, пустыми глазами на всех по-матривает... И ноль внимания!..

А в голове у Глума дипломатия синим морем разливается.

Идет, и тросточкой круть-верть, круть-верть, словно и нет никого, кроме его.

Вертится тросточка, как спица в колесе, всех прохожих по лбам щелкает. Только искры из глаз у прохожих сыплются, а тросточка знай себе—щелк да щелк.

А у Глума с обличья сладкая улыбочка не сходит... Как тросточкой щелкнул, так сейчас тебе:

— Извиняюсь, конечно!.. Извиняюсь бесконечно!..

Пожимают плечами прохожие, фонари под глазами да шишки на лбах потирают, шепчут про себя:

— Что с него возьмешь, раз извинился... Такой вежливый, право... Одно слово—европеец!..

А Глум знай себе тем же манером тешился, себя прогуливает.

Рассекает воздух тросточка, свистит-шипит и по лбам все трах да трах, щелк да щелк.

Да как хватит по лбу Швырка!..

Не успел извиниться Глум, как получил здоровенную затрещину...

Позеленел даже от злости и сквозь зубы процедил:

— Азиат!..

Так до сей поры и недовольны друг другом: Глум, что затрещину получил, а Швырок, что двух дать не успел.

Полярный.

СПОРТСМЕН ЗА СОВЕТСКИЙ СЧЕТ.

(Гор. Чернигов, гараж (?) Губкомборбза).

Ценный приз — кубок, которым следовало бы наградить уполномоченного гаража Дроздова за гонки на скорость с шофером того же гаража Жуковым, 24-го мая. Приз был бы по заслугам: Дроздов на полном ходу преодолел естественное препятствие в виде экипажа, встреченного на мосту. Вообще, по устранению экипажей у Дроздова опыт большой. Вот по управлению машиной опыт у него гораздо меньше.

Эх, Дроздов! Сидел бы ты себе уполномоченным... А на машинах пускай ездят, кто этому делу обучен.

Рабочий.

32

10405

1111

СОВРЕМЕННЫЕ ВАСЬКИ БУСЛАЕВЫ.

Рис. Ю. Ганфа.

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
РЕЕСТР № 25
ДАТА =

(Внимание советской общественности).

10405

Мы по улице пройдем,
 Рамы хлещем—стекла бьем.
 Рамы хлещем, стекла бьем,
 На ворота деготь льем.

Нас лупили, колотили
 В три кола, в четыре гири.
 Нам, ребятам, ничо чем,
 Не убить и кирпичем.

По дороге ходим, лаем
 Только без ошейников.
 Вся деревня нас боится,
 Этаких мошенников.

Из-за девок из-за двух
 Дали восемь оплеух.
 Всех девчонок перепортим,
 Не забудем и старух.

Мы милицию избили,
 Здорово обтяпали.
 Два ножа, четыре гири
 В голову заляпали.

(Частушки Костромской и Ярославской губерний).